

Глава 1

Первая встреча

Расплавленное золото заката заливало озеро, в оранжевых отблесках купались скользкие по воде плавучие павильоны.

— Мы же договорились! Если они будут такими же, как в прошлый раз, я им сразу же дам от ворот поворот!

Сюй Чунь, одетый в халат абрикосового цвета с круглым воротом, лениво обмахивался веером. У него были яркие, выразительные черты лица, а в оранжевых лучах заката, падавших на палубу, его кожа казалась полупрозрачной, словно драгоценный нефрит.

У молодого князя Сюя от природы были кошачьи глаза — большие, с золотистыми радужками и длинными густыми ресницами. В сумерках их цвет напоминал янтарь. Лю Шэн, сопровождавший его, на миг замер, пленённый этим взглядом, который в свете заходящего солнца казался особенно сияющим и завораживающим. Он невольно подумал, что ещё неизвестно, кому повезёт больше. В заведениях подобного рода бывало, что известные куртизанки, повстречав впервые юношу столь редкой красоты, сами платили ему за оказанную честь...

Сюй Чунь заметил, что его спутник замечтался. Нахмурившись, он сложил веер и легонько хлопнул его по плечу.

— Ты о чём задумался? Неужели опять приведёшь тех размалёванных хлыщей?

Только тогда Лю Шэн очнулся и ответил:

— Мой юный князь! Да кто на свете может быть привередливее и капризнее тебя! Я привёл тебе лучших из Двора Южного Ветра, но они тебе не понравились. Тогда я выбрал для тебя первоклассных воинов из театрального сада, и они тебе тоже не пришлись по вкусу. Ну что мне с тобой делать! Полгода назад я начал поиски. Ты сказал, что хочешь красивого, и я выбрал тебе лучшего юношу из Двора Южного Ветра, умеющего слагать стихи и рисовать. Но ты счёл его слишком жеманным, изнеженным, похожим на девицу. Ещё и пожаловался, что он слишком юн и капризен, и тебе не хочется его утешать. Хорошо, не хочешь молодого и своенравного — я подобрал тебе нескольких лучших актёров-воинов из театра, постарше, за двадцать, понимающих, заботливых и внимательных. Но ты и их отверг, заявив, что у них нет ни гордости, ни достоинства. То тебе не нравились их грубые манеры и напوماженные волосы, то их неумелая услужливость... Некоторые казались мне просто идеальными, но ты, едва взглянув, отказывался. Скажи на милость, юный князь, если и этот тебе не подойдёт, то я просто умываю руки!

— Не по душе пришлись, — пробормотал Сюй Чунь, чувствуя себя немного виноватым, но в то

же время твёрдо стоя на своём. — Это ведь мой первый раз! Всё должно быть безупречно!

— Не волнуйся, — заверил его Лю Шэн, — я уверен, на этот раз всё получится.

— Тот самый, один из Четырёх молодых господ, о котором ты говорил? — с сомнением переспросил Сюй Чунь. — Надеюсь, он не из тех, что с напудренным лицом и женской красотой? В прежние времена любили восхвалять таких, сравнивая их с красавцами Пань Анем и Си-цзы...

— Ты слышал о генерале Хэлане? — начал Лю Шэн. — Он из семьи потомственных воинов. Они навлекли на себя гнев родни вдовствующей императрицы, и всю их семью осудили, а имущество конфисковали. Взрослых мужчин казнили. Этому молодому господину Хэланю тогда не было и двенадцати. Говорят, враги, желая его унижить, добились, чтобы его отдали в Цзяофан, записали в низший стан и сделали куртизаном. Позже, когда вдовствующая императрица утратила власть, он уже повзрослел и открыл свой Двор Южного Ветра. Гостей он принимает крайне редко. Если бы не твоё желание найти кого-то опытного, зрелого и заботливого, я бы не смог уговорить его, даже заплатив огромные деньги.

— Сколько ему лет? — поинтересовался Сюй Чунь.

— Двадцать восемь, но он прекрасно сложен и очень красив. К тому же, тебе ведь нравятся те, кто постарше, не так ли? Я видел, как он играет в мяч, стреляет из лука и скачет верхом — это было великолепное зрелище! Он полон благородства и достоинства. К тому же, он сведущ и в воинском искусстве, и в литературе, у него прекрасный почерк. Истинный благородный муж, подобный нефриту, сияющий в этом брэнном мире! Увы, судьба его была жестока, и он незаслуженно претерпел унижения.

Сюй Чунь почувствовал сострадание, но тут же удивился:

— Но ведь вдовствующая императрица теперь якобы больна и не покидает дворец, а её семья утратила влияние. Неужели он до сих пор не может избавиться от своего низкого статуса?

Лю Шэн покачал головой:

— В этом мире большинство готово лишь украшать парчу цветами. Вся семья Хэлань была казнена, и говорят, что даже его бывшие соратники и друзья в армии были осуждены вместе с ними. Кто теперь станет ему помогать? Хотя семья вдовствующей императрицы и пала, сама она — родная мать нынешнего государя. Кто без веской причины станет пересматривать его дело? К тому же, он столько лет провёл в мире развлечений, разве можно отмыться от такой репутации?

Сюй Чунь задумался.

— Какая жалость. Может, мне подать прошение в столичное управление, чтобы его освободили? А на сегодняшний вечер... забудем об этом. В таких делах важно взаимное согласие. Если он с самого начала не был склонен к этому, зачем принуждать?

— Мой юный господин! — взвыл Лю Шэн. — Что за милосердие на тебя нашло? Ты ведь ищешь опытного партнёра, чтобы попробовать, а не спутника на всю жизнь. Я с таким трудом нашёл подходящего человека! К тому же, если бы он не хотел, то не согласился бы... — Лю Шэн вдруг что-то вспомнил и, взглянув на его лицо, добавил: — Пстой-ка, а ты, случайно, не боишься? А то каждый раз, кого бы я ни нашёл, ты находишь причину для отказа. Твои придирки уже напоминают выбор наложниц для императора!

— ...

— Что за вздор ты несёшь? — вспыхнул Сюй Чунь. — Я? Боюсь? Вот увидишь!

Лю Шэн заметил его напускную храбрость и усмехнулся.

— Ладно, если и этот тебе не понравится, я больше никого предлагать не буду. Жди тогда своей небесной судьбы.

Они вошли в гостиную плавучего павильона. Несколько юных слуг в зелёных одеждах с милостивыми лицами подошли, чтобы налить им чаю.

— Прошу вас, господа, подождите немного. У нашего хозяина неожиданно появился важный гость. Просим прощения за внезапность. Он сейчас переоденется и выйдет к вам.

Лю Шэн тихо прошептал Сюй Чуню на ухо:

— Любой, кто чего-то стоит, любит немного потянуть время и набить себе цену. Не обращай внимания. Этот господин Хэлань действительно того стоит.

Окна в гостиной были открыты, и оттуда открывался вид на бескрайнюю речную гладь. Стоял сентябрь, погода была ясной и свежей. Лёгкий ветерок, пропитанный запахом речной воды, медленно проникал в комнату. Сумерки сгущались, и над рекой Хуай в ветре разносились тихие звуки музыки и смеха.

Это было самое известное место на реке Золотой Пыльцы, где деньги текли рекой, — место, полное романтики и соблазнов, чья слава гремела повсюду.

Сюй Чунь угрюмо налил себе чашку чая. Лю Шэн, заметив его неважное настроение, спросил:

— Что сегодня случилось? Дома не отпускали?

— Вовсе нет, — ответил Сюй Чунь. — Отцу до меня дела нет, ты же знаешь. На днях он снова взял себе красавицу-наложницу, построил для неё сад и теперь целыми днями там развлекается. В доме такой кавардак, а бабушка и не думает его останавливать. Возвращаться домой тошно, уж лучше на стороне.

— Ну и нравы у твоего отца... — покачал головой Лю Шэн. — У вас там этих побочных детей, что свиней на ферме. Ты не беспокоишься?

Сюй Чунь не хотел развивать эту тему.

— О чём беспокоиться? Сын от наложницы не может унаследовать титул. И чем хуже его репутация, тем меньше шансов, что в дом войдёт благородная девица. Одни наложницы низкого происхождения, полуслужанки, полурабыни.

Лю Шэн покачал головой.

— Оставим других, но твой старший брат от наложницы уже давно стал цзюйжэнем и прославился своим талантом. В следующем году весенние экзамены. Ты не боишься, что он одним махом получит должность?

— Его мать была служанкой бабушки и давно умерла. У него и так не было надежды на титул. Возможность сдать экзамены — это для него тоже выход.

— Что ж, — вздохнул Лю Шэн, — я знаю, что твоя матушка добра и снисходительна, но иногда добрая слава не так важна, как реальное положение дел. Впрочем, ладно.

Сюй Чунь почему-то почувствовал удушье в груди. Он встал.

— Пойду пройдуся.

Плавающий павильон скользил по воде. Десять ли золотой реки, звуки музыки, отражения бесчисленных огней в волнах — всё это создавало атмосферу опьяняющего великолепия.

Сюй Чунь увидел, как солнце медленно скрывается за горизонтом, оставляя лишь оранжево-красную полоску света. Он поднял голову и заметил, что с верхних этажей павильона вид, должно быть, ещё лучше. Чувствуя лёгкое раздражение, он поднялся по лестнице на несколько ступеней.

Но не успел он пройти и нескольких шагов, как его остановили.

— Прошу вас, гость, остановитесь.

Сюй Чунь удивлённо поднял голову и увидел у перил на самом верху павильона высокого стройного молодого человека в накидке с журавлями. Услышав шум, тот обернулся. Их взгляды встретились, и Сюй Чунь замер.

Он никогда не видел таких глаз, в которых отражалась вся мудрость мира. Спокойные, как ледяное озеро, глубокие, как бездонный омут, и безжизненные, как остывший пепел... В лучах заката лицо этого человека казалось печальным, выражало холодность и усталость, но ничто не могло скрыть его врождённого благородства и изящества.

Сюй Чуню вспомнилось, как в детстве он ездил на родину. На песчаной отмели посреди реки лежал снег, и там стояла одинокая, уставшая от полёта белая цапля. Бескрайние просторы, холодный ветер, овевающий пустынный остров, — эта картина была пронзительно красива.

Словно лебедь, ступивший на талый снег, оставил случайный след когтей. Сюй Чунь почувствовал, как его сердце словно бы стиснул птичий коготь. След лебедя на снегу — мимолётный, но незабываемый. Он слышал, как бешено колотится его собственное сердце. Вспомнив слова Лю Шэна, он не удержался и спросил:

— Господин Хэлань?

Охранник шагнул вперёд, чтобы преградить ему путь. Он был очень высок, но Сюй Чунь не мог отвести взгляда от молодого господина. Вероятно, восхищение в его глазах было слишком очевидным. Благородный незнакомец махнул рукой, и охранник, склонив голову, отступил. Сюй Чунь подошёл ближе.

На верхней палубе дул вечерний ветер. Подойдя, он смог лучше рассмотреть лицо мужчины. Его острый взгляд скользнул по Сюй Чуню сверху вниз, и тому показалось, что его пронзили насквозь — от кончиков волос до самой души.

Во рту у него пересохло. Он слышал лишь гулкий стук своего сердца.

— Простите... я был слишком навязчив... Вы так прекрасны...

Это превзошло все его ожидания. Он наконец понял, что такое любовь с первого взгляда. Он полюбил его в одно мгновение.

— Как тебя зовут? — спросил молодой господин сверху вниз.

В его голосе не было высокомерия, тон был ровным, но Сюй Чунь всё равно чувствовал его гордость. Искренне считая, что такая внешность и душа дают право на гордость, он, смакуя про себя звук его голоса, тихо ответил:

— Сюй Чунь. Сюй из «обещать», Чунь из «водяной ширицы». Я из резиденции князя Цзин...

Молодой господин, казалось, что-то припомнил. На его губах появилась насмешливая улыбка.

— Из резиденции князя Цзин, значит. Потомок знатного вельможи, защитника отечества. Должно быть, и сам опора и столп государства. Что же ты делаешь в таком распутном месте, предаваясь легкомысленным забавам?

Сюй Чунь почувствовал себя униженным и пробормотал:

— Я не всегда так себя веду, просто... просто хотел убедиться.

— Убедиться в чём? — с любопытством спросил молодой господин.

Лицо Сюй Чуня вспыхнуло.

— Убедиться... действительно ли мне нравятся мужчины. Я просто хотел попробовать, — его голос стал едва слышен.

Молодой господин не ожидал услышать такое прямое и, по правде говоря, пошлое признание.

— Попробовать? — медленно повторил он.

Сюй Чунь ощутил непреодолимое давление и, запинаясь, попытался оправдаться:

— Но, увидев вас, я понял, что пробовать не нужно.

Брови молодого господина слегка приподнялись.

— О?

Надеясь хоть немного спасти своё положение, Сюй Чунь выпалил:

— Возможно, мне не нравятся мужчины в целом, но вы мне точно нравитесь.

Он не мог подобрать слов, чтобы описать величие этого человека. Он просто знал, что с первого взгляда полюбил его, каждую черту. Вечно ненадёжный Лю Шэн на этот раз оказался прав. Внезапно в его сердце затеплилась надежда: раз уж его пригласили, значит, он согласен?

С трепетом и горячей надеждой он посмотрел на изысканного и утончённого господина.

Тот усмехнулся.

— Мне не нужно, чтобы меня кто-то любил, — медленно произнёс он. — Достаточно, чтобы меня боялись.

Выражение его лица оставалось бесстрастным, в голосе не было насмешки, но Сюй Чунь всё равно услышал в этих словах снисходительное презрение.

Он покраснел до корней волос и не мог вымолвить ни слова, но всё ещё цеплялся за последнюю надежду. Разве Лю Шэн не говорил, что они любят набивать себе цену? Ради того, чтобы увидеть улыбку на лице этого человека, прекрасного, как ясная луна, и холодного, как иней, он был готов на всё.

Собравшись с духом, он попытался ещё раз:

— Могу я пригласить вас на чашку чая?

— Нет, — ледяным тоном ответили тонкие губы. — Грязно.

Слова ударили Сюй Чуня, как молот. Он отступил на два шага назад. Стыд захлестнул его с головой. Никогда в жизни он не чувствовал себя таким ничтожным и грязным, словно втоптаным в пыль. Ему хотелось провалиться сквозь землю. Он опустил глаза, уставившись на пёстрые доски палубы, и в голове у него всё смешалось. Он не знал, что сказать.

Мужчина наблюдал, как лицо юного князя, до этого алое, как кровь, внезапно побледнело, а сияющие кошачьи глаза больше не смели поднять на него взгляд. Губы его слегка дрожали. Это его удивило. Привыкший к тому, как придворные сановники с непроницаемыми лицами обмениваются выпадами, он нашёл этого юношу слишком тонкокожим.

— Уходи, — мягко сказал он. — И больше не приходи.

Раз знает стыд, значит, ещё не всё потеряно.

Сюй Чунь молча поклонился и, униженный, развернулся. Словно спасаясь бегством, он сбежал с плавучего павильона, даже не вспомнив о Лю Шэне. В несколько шагов он пересёк трап, спрыгнул на берег и, не оглядываясь, ушёл прочь.
